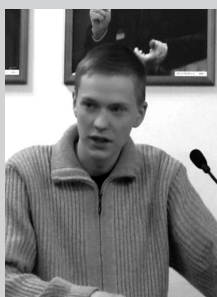

А. Г. Шабуров

КОНЦЕПТ (НЕ)СПРАВЕДЛИВОСТИ В НОВОМ ЛЕВОМ ДИСКУРСЕ

**Шабуров
Алексей Геннадьевич**

магистрант факультета
политологии и социологии УрГУ

Для левого дискурса концепт справедливости, в первую очередь социальной, всегда был крайне важен. Действительно, само словосочетание «социальная справедливость» изначально воспринимается как нечто левое – во многом за счет того, что мы чаще всего слышим его от политиков и идеологов, так или иначе причисляющих себя к левым силам. Однако можем ли мы утверждать, что левый дискурс предполагает какое-либо определенное содержание справедливости, или же следует говорить лишь о неких идеологических интерпретациях данного концепта, не выходящих за рамки привычной идеологической борьбы? Кроме того, необходимо понять, какова логика использования концепта справедливости – другими словами, каким образом он оказывается встроен в структуру левого дискурса и какова его функциональная нагрузка.

Поскольку справедливость является сущностно оспариваемым понятием¹, то она не может быть монополизирована какой-то одной идеологией либо идеологическим направлением. Более того, в политическом плане (в отличие от морально-этического и социального) справедливость можно назвать «пустой концепцией» – в том смысле, что её можно наполнить самыми разными, порой противоположными, значениями, и все они будут иметь право на существование в политико-идеологическом пространстве. И здесь левый дискурс не имеет преимущества перед остальными, он не способен сделать справедливость «своей» идеей, точно также как либерализм не смог сделать «своей» идеей свободу, будучи вынужденным в конечном счете обратить свое внимание и на равенство, и на ту же справедливость. И в этом плане показателен тот факт, что в политической теории конца XX века наибольшее распространение получили именно либеральные трактовки справедливости.

Однако на уровне «обыденной идеологии», в конкретной политике, ситуация несколько иная. Справедливость по-прежнему связана с левым дискурсом, и набирающие силу новые левые движения не спешат отказываться от её использования. В таком случае, необходимо выяснить, чем оказывается наполнен этот концепт, какие смысловые нагрузки он несет, а конкретнее – какой общественный порядок, какую политическую систему левый дискурс понимает как справедливую, и как эта справедливость может быть достигнута. Для этого следует обратиться непосредственно к идеологическим текстам, в нашем случае – к речам и произведениям наиболее популярных левых политиков и теоретиков последних лет.

В частности, рассмотрим текст выступления президента

Венесуэлы Уго Чавеса под названием «Многополярный мир как глобальная альтернатива. Взгляд Венесуэлы». Уже из заглавия понятно, что справедливость для Чавеса – это многополярный мир, что справедливость может быть реализована только в глобальных масштабах, и что справедливость – это альтернатива существующему мировому порядку, который автоматически оценивается как несправедливый. Эти три положения присущи всему новому левому дискурсу, а особенно его латиноамериканскому варианту.

Далее, Чавес говорит о «равновесии, мире и гармонии» как о характерных чертах справедливого мирового порядка², но очевидно, что никакой нагрузки, кроме эмоциональной, это утверждение не несет. В качестве конкретных инструментов достижения справедливости предлагается революция и последующая национализация крупной промышленности (что и было осуществлено в Венесуэле) – традиционные левые рецепты, применявшиеся в истории неоднократно, но так и не приведшие к торжеству справедливости.

Мы видим, что такая интерпретация справедливости не является слишком оригинальной и по идее не должна приносить каких-либо политических дивидендов политическим силам, использующим её. Но очевидно, что это не так – иначе бы нам не пришлось говорить о новой волне левого движения. Более того, если мы обратимся к другим идеологическим текстам левого толка, мы увидим примерно ту же картину. В частности, известный теоретик антиглобализма Ноам Хомский видит справедливость «в самостоятельных действиях трудящегося народа и в идеях и практической деятельности свободолюбивых социалистов»³, но и такой интерпретации явно недостаточно для наделения справедливости какими-либо конкретными политическими характеристиками, тем более, носящими системный характер.

Все вышесказанное не позволяет нам говорить о левом дискурсе как о дискурсе справедливости, и взаимосвязь этих дискурсов, судя по всему, несколько сложнее. Дальнейший анализ позволяет нам утверждать, что мы имеем дело с особым дискурсом, который можно условно назвать дискурсом (не)справедливости – что должно подчеркнуть факт взаимной увязки концептов справедливости и несправедливости, являющейся одной из характерных черт левых идеологий.

В самом деле, описанию различных форм несправедливости в левом дискурсе уделяется больше внимания, чем предложениям по реализации проекта справедливости. Так, и Чавес, и Хомский критикуют неолиберализм как идеологию глобальной несправедливости, закрепляющую угнетение, подавление и неравенство в планетарном масштабе. В данном случае важны не конкретные интерпретации, а сам факт обращения к несправедливости – причем обращения в форме обличения, направленного на различные социально-политические явления, так или иначе знакомые большинству общества.

Обличение несправедливости выполняет в левом дискурсе несколько функций. Во-первых, оно постоянно служит актуализации левой идеологии, не позволяет ей оторваться от политической реальности, в которой всегда находится что-то,

что можно назвать несправедливым. Во-вторых, такое обличение создает сильный эмоциональный заряд, вызывает у аудитории левого дискурса чувство неприятия существующего положения вещей, что в дальнейшем позволяет предлагать обществу те или иные проекты преобразования имеющейся социально-политической системы, которые могут иметь различную степень радикальности, но при этом неизменно носить деструктивный по отношению к этой системе характер.

Кроме того, такое пристальное внимание к несправедливости позволяет левым идеологам обходиться без подробной интерпретации справедливости, что, безусловно, расширяет круг сторонников или, как минимум, симпатизирующих. Сначала аудиторию привлекает яркое и эмоциональное обличение несправедливости и стоящих за ней сил (а они обязательно должны там стоять, ведь в противном случае в несправедливости некого будет обвинить и, следовательно, не с кем будет бороться); затем следует не менее красочное, но менее содержательное описание будущего, справедливого, мирового порядка – причем оно подается в таких терминах, с которыми трудно не согласиться.

Поскольку интерпретация справедливости в левом дискурсе всегда следует после интерпретации несправедливости, то создается ощущение её (справедливости) большей значимости, приоритетности для данного дискурса, что и позволяет нам в итоге думать о справедливости как о преимущественно левой концепции, хотя, как мы видели, это не вполне верно.

Описанная роль концепта (не)справедливости позволяет нам лучше понять причину политических успехов новых левых движений. Во-первых, стоит отметить, что в своей диагностике существующих социально-политических проблем левые идеологи не так уж не правы – поэтому придание этим проблемам необходимой негативной эмоциональной окраски позволяет привлечь на свою сторону огромные массы людей, уже почувствовавших эти проблемы на себе.

Во-вторых, современный мировой порядок позволяет

говорить уже о глобальной несправедливости, то есть бороться сразу со многими врагами – с Вашингтоном, с транснациональными корпорациями, а также (при определенном уровне фантазии) с хорошо всем знакомой «мировой закулисой». Кроме того, с этими врагами можно бороться исключительно виртуально, при этом извлекая из этой борьбы реальную политическую выгоду, в первую очередь, в виде электоральной поддержки. Кроме того, акцент на глобальных проблемах позволяет не обращать внимания на проблемы локальные либо списывать эти локальные проблемы на очевидную для всех мировую несправедливость.

В-третьих, можно говорить о том, что новая левая идеология, вооружившись по-новому интерпретированным концептом (не)справедливости, заполняет образовавшийся в конце XX века идеологический вакуум, нарушает некий идеологический консенсус – привлекая тем самым на свою сторону заскучавших было радикалов, в первую очередь, среди молодежи.

Таким образом, концепт (не)справедливости позволяет новому левому дискурсу сочетать как конструктивные, так и деструктивные черты, обходя тем самым многие противоречия, с которыми сталкиваются другие идеологии и движения. Сейчас пока трудно говорить о политических последствиях распространения этого дискурса – возможно, мы будем свидетелями победы левых сил в тех или иных странах; но можно утверждать наверняка, что в итоге мы вряд ли станем свидетелями исчезновения несправедливости или торжества справедливости, а значит, воспроизводство идеологического дискурса неизбежно продолжится.

1. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. С. 318.
2. Чавес У. Многополярный мир как глобальная альтернатива. Взгляд Венесуэлы // Свободная мысль-XXI, 2005, № 2. С. 8.
3. Хомский Н. Прибыль на людях. – М.: Праксис, 2002. С. 60.

Е. А. Иванова

ДИСКУРС «АГОНИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» ШАНТАЛЬ МУФФ

**Иванова
Евгения Александровна**

студентка факультета
политологии
и социологии УрГУ

Теоретико-философские изыскания Шанталь Муфф представляют собой довольно интересную попытку реабилитировать тяжело переболевшую недугами социализма левую идею. Вместе со своим соратником по перу Эрнесто Лакло Муфф предлагает выйти из тесных границ марксистской парадигмы и, - не отказываясь от прописных истин левой политики, - вместе с тем переформулировать ее основные цели. Так традиционная марксистская установка на преодоление

капитализма и эмансипацию рабочего класса в их прочтении превращается из ключевой задачи в рядовую. Смысл подобного развенчания знаменитой теории состоит в освобождении пространства для новых социальных движений левого толка, чьи пестрые политические программы вряд ли могут вписаться в марксистскую систему координат. В этой связи, утверждают Муфф и Лакло, главная цель левых сил отныне должна состоять в том, чтобы в полную силу зазвучали все голоса, каждый из которых обладает своей собственной неискоренимой дискурсивной идентичностью¹. Именно эта инициатива становится центральным лозунгом «радикальной демократии» - совместного проекта постмарксистских теоретиков, призванного исправить огрехи популярных демократических теорий. Своеобразным продолжением этой концепции явилась разработанная уже самой Шанталь Муфф теория «агонистической демократии», которая предлагает свой выход из образовавшегося на стыке старых моделей дискурсивного тупика.